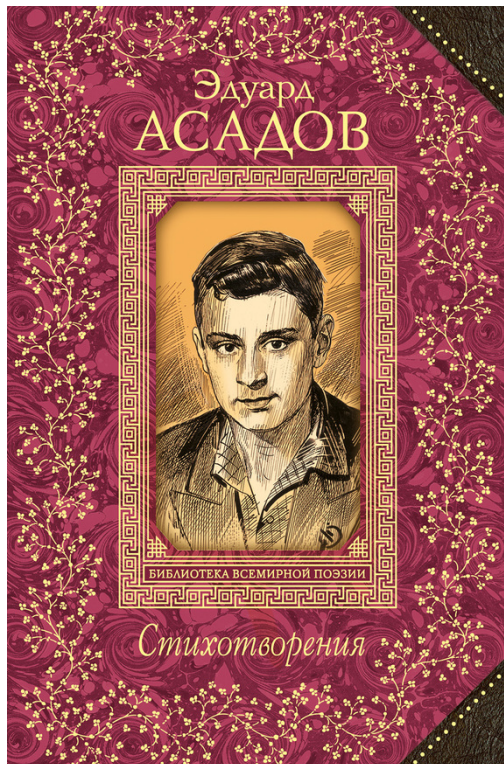

Эдуард Аркадьевич Асадов

Стихотворения

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8476170
Стихотворения: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-74393-3

Аннотация

В книгу известного поэта Эдуарда Аркадьевича Асадова вошли не только самые известные его стихи, но и авторский дневник, который Э. Асадов вел много лет. И, с присущим ему юмором, назвал «мыслями на конце пера».

Содержание

Иначе жить на земле нельзя	5
Про будущую старость	5
«Сатана»	8
Аптека счастья	10
В землянке (шутка)	12
Доверчивый супруг	14
Попутчица	15
Любовь, измена и колдун	17
Жены фараонов (шутка)	19
Третий лишний	20
Верная Ева	22
У тебя характер прескверный...	23
Строгие сторожа	24
Пусть меня волшебником назначат (шутка)	26
Сердитый критик	29
Мы решили с тобой дружить...	31
Спор	33
Новогодняя шутка	35
Два маршрута	36
Два петуха (шутка)	37
Рыбье «счастье» (сказка-шутка)	38
Разные свойства	40
Воробей и подсолнух	41
Разговор с небожителями	42
Сказка об одном собрании	45
Весенний жребий	47
Через край	51
Микрофонные голоса	52
Приметы	54
Он ей восхищенно цветы дарил...	56
Женская логика	57
Как мне тебе понравиться?	58
За десять минут до свидания	60
Домовой	62
Долголетие	64
Под дождем	67
Женский секрет	68
Девушка и лесовик (сказка)	70
Кольца и руки	72
Комары (шутка)	74
Древнее свидание	77
Озорные строки	79
Беседа о морали (шутка)	80
Круговорот природы	82
О трескучей поэзии	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Эдуард Асадов

Стихотворения

© Асадов Э. А. Наследник, 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

Иначе жить на земле нельзя

Про будущую старость

Гоня хандру повсюду
То шуткой, то пинком,
Я, и состарюсь, буду
Веселым стариком.

Не стану по приказу
Тощать среди диет,
А буду лопать сразу
По множеству котлет.

Всегда по строгой мере
Пить соки. А тайком,
Смеясь, вздымать фужеры
С армянским коньяком.

На молодость не стану
Завистливо рычать,
А музыку достану
И буду с нею рьяно
Ночь – за полночь гулять.

Влюбленность же встречая,
Не буду стрекозлить,
Ну мне ли, ум теряя,
Наивность обольщая,
Посмешищем-то быть?!

К чему мне мелочиться,
Дробясь, как Дон Жуан,
Ведь если уж разбиться,
То вдрызг, как говорится,
О дьявольский роман!

С трагедией бездонной,
Скандалами родни,
Со «стружкой» месткомной
И с кучей незаконной
Горластой ребятни.

И может, я не скрою,
Вот тут придет за мной
Старушечка с косою:
– Пойдем-ка, брат, со мною,

Бездельник озорной!

На скидки не надейся,
Суров мой вечный плен.
Поди-ка вот, посмейся,
Как прежде, старый хрен!

Но там, где нету света,
Придется ей забыть
Про кофе и газеты.
Не так-то просто это —
Меня утомонить.

Ну что мне мрак и стужа?
Как будто в первый раз!
Да я еще похуже
Отведывал подчас.

И разве же я струшу
Порадовать порой
Умолкнувшие души
Беседую живой?!

Уж будет ей потеха,
Когда из темноты
Начнут трястись от смеха
Надгробья и кусты.

Старуха взвояет малость
И брякнет кулаком:
— На кой я черт связалась
С подобным чудачком!

Откуда взять решение:
Взмахнуть косой, грозя?
Но дважды, к сожаленью,
Убить уже нельзя...

Но бабка крикнет: — Это
Нам даже ни к чему! —
Зажжет мне хвост кометой
И вышвырнет с планеты
В космическую тьму.

— Вернуться не надейся.
Возмездье — первый сорт!
А ну теперь посмейся,
Как прежде, старый черт!

Но и во тьме бездонной
Я стану воевать.
Ведь я неугомонный,
Невзгодами крещенный,
Так мне ли унывать?!

Друзья! Потомки! Где бы
Вам ни пришлось порой
Смотреть в ночное небо
Над вашей головой, —

Вглядитесь осторожно
В светлеющий восток
И, как это ни сложно,
Увидите, возможно,
Мигнувший огонек.

Хоть маленький, но ясный,
Упрямый и живой,
В веселье – буйно-красный,
В мечтанье – голубой.

Прошу меня заране
В тщеславье не винить,
То не звезды сиянье,
А кроха мирозданья,
Ну как и должно быть.

Мигнет он и ракетой
Толкнется к вам в сердца.
И скажет вам, что нету
Для радости и света
Ни края, ни конца.

И что, не остывая,
Сквозь тьму и бездну лет,
Душа моя живая
Вам шлет, не унывая,
Свой дружеский привет!

1976

«Сатана»

Ей было двенадцать, тринадцать – ему,
Им бы дружить всегда.
Но люди понять не могли, почему
Такая у них вражда?!

Он звал ее «бомбою» и весной
Обстреливал снегом талым.
Она в ответ его «сатаной»,
«Скелетом» и «зубоскалом».

Когда он стекло мячом разбивал,
Она его уличала.
А он ей на косы жуков сажал,
Совал ей лягушек и хохотал,
Когда она верещала.

Ей было пятнадцать, шестнадцать – ему,
Но он не менялся никак.
И все уже знали давно, почему
Он ей не сосед, а враг.

Он «бомбой» ее по-прежнему звал,
Вгонял насмешками в дрожь.
И только снегом уже не швырял
И диких не корчил рож.

Выйдет порой из подъезда она,
Привычно глянет на крышу,
Где свист, где турманов кружит волна,
И даже сморщится: – У, сатана!
Как я тебя ненавижу!

А если праздник приходит в дом,
Она нет-нет и шепнет за столом:
– Ах, как это славно, право, что он
К нам в гости не приглашен!

И мама, ставя на стол пироги,
Скажет дочке своей:
– Конечно! Ведь мы приглашаем друзей,
Зачем нам твои враги!

Ей – девятнадцать. Двадцать – ему,
Они студенты уже.
Но тот же холод на их этаже.
Недругам мир ни к чему.

Теперь он «бомбой» ее не звал,
Не корчил, как в детстве, рожи.
А «тетей Химией» величал
И «тетей Колбою» тоже.

Она же, гневом своим полна,
Привычкам не изменяла
И так же сердилась: – У, сатана! —
И так же его презирала.

Был вечер, и пахло в садах весной.
Дрожала звезда, мигая...
Шел паренек с девчонкой одной,
Домой ее провожая.

Он не был с ней даже знаком почти,
Просто шумел карнавал,
Просто было им по пути,
Девчонка боялась домой идти,
И он ее провожал.

Потом, когда в полночь взошла луна,
Свистя, возвращался назад.
И вдруг возле дома: – Стой, сатана!
Стой, тебе говорят!

Все ясно, все ясно! Так вот ты какой?!
Значит, встречаешься с ней?!
С какой-то фитюлькой, пустой, дрянной!
Не смей! Ты слышишь? Не смей!

Даже не спрашивай почему! —
Сердито шагнула ближе
И вдруг, заплакав, прижалась к нему:
– Мой! Не отдам, не отдам никому.
Как я тебя ненавижу!

1964

Аптека счастья

Сегодня – кибернетика повсюду.
Вчерашняя фантастика – пустяк!
А в будущем какое будет чудо?
Конечно, точно утверждать не буду,
Но в будущем, наверно, будет так:

Исчезли все болезни человека.
А значит, и лекарства ни к чему!
А для духовных радостей ему
Открыт особый магазин-аптека.

Какая б ни была у вас потребность,
Он в тот же миг откликнуться готов,
– Скажите, есть у вас сегодня нежность?
– Да, с добавлением самых теплых слов!

– А мне бы счастья, бьющего ключом!
– Какого вам: на месяц? На года?
– Нет, мне б хотелось счастья навсегда!
– Такого нет, но через месяц ждем.

– А я для мужа верности прошу!
– Мужская верность? Это, право, сложно...
Но ничего. Я думаю, возможно.
Не огорчайтесь. Я вам подыщу.

– А мне бы капель трепета в крови.
Я – северянин, человек арктический.
– А мне – флакон пылающей любви
И полфлакона просто платонической.

– Мне против лжи нельзя ли витамин?
– Пожалуйста, и вкусен, и активен!
– А есть для женщин «Антиговорин»?
– Есть. но пока что малоэффективен.

– А покоритель сердца есть у вас?
– Да. Вот магнит. Его в кармашке носят.
Любой красавец тут же с первых фраз
Падет к ногам и женится на вас
Мгновенно. Даже имени не спросит.

– А есть «Антискандальная вакцина»?
– Есть в комплексе для мужа и жены:
Жене – компресс с горчицей, а мужчине
За час до ссоры – два укола в спину

Или один в сидячую часть спины.

– Мне «Томный взгляд» для глаз любого цвета!

– Пожалуйста! По капле перед сном!

– А мне бы страсти...

– Страсти – по рецептам.

Страстей и ядов так не выдаем.

– А мне, вон в тех коробочках хотя бы,

«Признание в любви». Едва нашла!

– Какое вам: со свадьбой иль без свадьбы?

– Конечно же, признание со свадьбой.

Без свадьбы хватит! Я уже брала!..

– А как, скажите, роды облегчить?

– Вот порошки. И роды будут гладки.

А вместо вас у мужа будут схватки.

Вы будете рожать, а он – вопить.

Пусть шутка раздувает паруса!

Но в жизни нынче всюду чудеса.

Как знать, а вдруг еще при нашем веке

Откроются такие вот аптеки?!

1967

В землянке (шутка)

Огонек чадит в жестянке,
Дым махорочный столбом...
Пять бойцов сидят в землянке
И мечтают кто о чем.

В тишине да на покое
Помечтать – оно не грех.
Вот один боец, с тоскою
Глаз сощуря, молвил: «Эх!»

И замолк. Второй качнулся,
Подавил протяжный вздох,
Вкусно дымом затянулся
И с улыбкой молвил: «Ох!»

«Да», – ответил третий, взявшись
За починку сапога,
А четвертый, размечтавшись,
Пробасил в ответ: «Ага!»

«Не могу уснуть, нет мочи! —
Пятый вымолвил солдат. —
Ну чего вы, братцы, к ночи
Разболтались про девчат!»

1947

* * *

Апрель 1944 г. Четвертый Украинский фронт. Командир батареи гвардии-лейтенант Эдуард Асадов за месяц до ранения в боях за освобождение Севастополя

Доверчивый супруг

Лет с десяток замужем пробив,
Стали вы скучны и деловиты
И, все чаще ласку отстранив,
Цедите, зевая нарочито:

– Поцелуй? Ты прости, мой свет,
Если я иронии не скрою.
Только глупо в тридцать с лишним лет
Нам влюбленным подражать порою.

Может быть, я сердцем постарела,
Только я прохладна на любовь.
В тридцать уж не те душа и тело
И не та течет, пожалуй, кровь.

А супруг? Бывают же на свете
Чудаки, наивные, как дети!
Выслушав жену, не оскорбился,
А вздохнул, поверил и смирился.

А ему хоть раз бы приглядеться,
Как для большей нежности лица
Ультракосметические средства
Пробуются в доме без конца.

А ему бы взять да разобраться,
Так ли в доме все благополучно,
Если вы с ним, прежде неразлучны,
Очень полюбили расставаться?

А ему бы взять да усомниться,
Надо ль вечно гладить по головке?
А ему хоть раз бы возвратиться
Раньше срока из командировки!

И проверить: так ли уж прохладно
Без него у милой сердце бьется?..
И увидеть... Впрочем, хватит, ладно!
Он и сам, быть может, разберется!

1960

Попутчица

– Мой муж бухгалтер, скромный, тихий малый,
Заботлив, добр, и мне неплохо с ним.
Но все-таки когда-то я мечтала,
Что мой избранник будет не таким.

Он виделся мне рослым и плечистым,
Уверенно идущим по земле.
Поэтом, музыкантом иль артистом,
С печатью вдохновенья на челе.

Нет, вы не улыбайтесь! Я серьезно.
Мне чудился громадный, светлый зал
И шум оваций, яростно и грозно
К его ногам катящийся, как вал.

Или вот так: скворцы, веранда, лето.
Я поливаю клумбу с резедой,
А он творит. И сквозь окно порой
Нет-нет и спросит у меня совета.

Вагон дремал под ровный стук колес...
Соседка, чиркнув спичкой, закурила.
Но пламени почти не видно было
При пламенной косметике волос.

Одета ярко и не слишком скромно,
Хорошенькое круглое лицо,
В ушах подвески, на руке кольцо,
Вишневый рот и взгляд капризно-томный.

Плывет закат вдоль скошенного луга,
Чай проводник разносит не спеша,
А дама все описывает друга,
Которого ждала ее душа.

Чего здесь только нет: талант, и верность,
И гордый профиль, и пушистый ус,
И мужество, и преданность, и нежность,
И тонкий ум, и благородный вкус...

Я промолчал. Слова нужны едва ли?!
И все ж хотелось молвить ей сейчас:
«Имей он все, о чем вы тут сказали,
Он, может быть, и выбрал бы не вас».

1961

* * *

Отец Аркадий Григорьевич, мать Лидия Ивановна с маленьким Эдиком, 1926 г.

Любовь, измена и колдун

В горах, на скале, о беспутствах мечтая,
Сидела Измена худая и злая.
А рядом под вишней сидела Любовь,
Рассветное золото в косы вплетая.

С утра, собирая плоды и коренья,
Они отдыхали у горных озер
И вечно вели нескончаемый спор —
С улыбкой одна, а другая с презрением.

Одна говорила: – На свете нужны
Верность, порядочность и чистота.
Мы светлыми, добрыми быть должны:
В этом и – красота!

Другая кричала: – Пустые мечты!
Да кто тебе скажет за это спасибо?
Тут, право, от смеха порвут животы
Даже безмозглые рыбы!

Жить надо умело, хитро и с умом.
Где – быть беззащитной, где – лезть напролом,
А радость увидела – рви, не зевай!
Бери! Разберемся потом.

– А я не согласна бессовестно жить.
Попробуй быть честной и честно любить!
– Быть честной? Зеленая дичь! Чепуха!
Да есть ли что выше, чем радость греха?!

Однажды такой они подняли крик,
Что в гневе проснулся косматый старик,
Великий Колдун, раздражительный дед,
Проспавший в пещере три тысячи лет.

И рявкнул старик: – Это что за война?!
Я вам покажу, как будить Колдуна!
Так вот, чтобы кончить все ваши раздоры,
Я сплавлю вас вместе на все времена!

Схватил он Любовь колдовскою рукой,
Схватил он Измену рукою другой
И бросил в кувшин их, зеленый, как море,
А следом туда же – и радость, и горе,
И верность, и злость, доброту, и дурман,
И чистую правду, и подлый обман.

Едва он поставил кувшин на костер,
Дым взвился над лесом, как черный шатер, —
Все выше и выше, до горных вершин,
Старик с любопытством глядит на кувшин:
Когда переплавится все, перемучится,
Какая же там чертовщина получится?

Кувшин остывает. Опыт готов.
По дну пробежала трещина,
Затем он распался на сотню кусков,
И... появилась женщина...

1961

Жены фараонов (шутка)

История с печалью говорит
О том, как умирали фараоны,
Как вместе с ними в сумрак пирамид
Живыми замуровывались жены.

О, как жена, наверно, берегла
При жизни мужа от любой напасти!
Дарила бездну всякого тепла,
И днем, и ночью окружала счастьем.

Не ела первой (муж пускай поест),
Весь век ему понравиться старалась,
Предупреждала всякий малый жест
И раз по двести за день улыбалась.

Бальзам втирала, чтобы не хворал,
Поддакивала, ласками дарила.
А чтоб затеять спор или скандал —
Ей даже и на ум не приходило!

А хворь случись — любых врачей добудет,
Любой настой. Костями готова лечь.
Она ведь знала точно все, что будет,
Коль не сумеет мужа уберечь...

Да, были нравы — прямо дрожь по коже.
Но как не улыбнуться по-мужски:
Пусть фараоны — варвары, а все же
Уж не такие были дураки!

Ведь если к нам вернуться бы могли
Каким-то чудом эти вот законы —
С какой тогда бы страстью берегли
И как бы нас любили наши жены!

1963

Третий лишний

Май. Беспокойство. Звезд толчея...
Луна скользит по плотине...
А рядом на бревнышке друг мой и я
И наша «Беда» посредине.

Носила «Беда» золотой пучок,
Имела шарфик нарядный,
Вздёрнутый носик и язычок,
Хитрый и беспощадный.

Она улыбнулась мне. Я просиял,
Пригнул ей облачко вишни.
Друг мой нахмурился, встал и сказал:
– Я, кажется, третий лишний.

Но девушка вспыхнула: – Нет, постой!
Сам не решай задачи.
Да, может, я сердцем как раз с тобой.
Ишь ты, какой горячий!

Снова сидим. От ствола до ствола
Тени легли несмело...
Девушка с ветки цветок сорвала
И другу в петличку вдела.

Тот, улыбнувшись, губами взял
Белый бутончик вишни.
Довольно! Я кашлянул, хмуро встал.
– Пожалуй, я третий лишний!

Она рассмеялась: – Вскипел, чудак!
Даже мороз по коже.
А может, я это нарочно так
И ты мне в сто раз дороже?!

Поймите, братцы: гремит река,
Кипят жасмин, облепиха,
Метет сиреневая пурга...
В природе и в сердце моем пока
Просто неразбериха!

А вот перестанет весна бурлить,
И будет мне звёзды слышно,
Они помогут душе решить,
Кто лишний, а кто не лишний!

И дни летели, как горький дым.
Ночи – одна бессонница.
Она все шутит, а мы молчим
И все не знаем, с другом моим,
Дружить нам или поссориться.

Но вот отшумела в садах весна.
Хватит. Конец недугам!
Третьим лишним была – она!..
Так мы решили с другом.

1963

Верная Ева

Старики порою говорят:
– Жил я с бабкой сорок лет подряд,
И признаюсь не в обиду вам,
Словно с верной Евою Адам.

Ева впрямь – примерная жена:
Яблоко смущенно надкусила,
Доброго Адама полюбила
И всю жизнь была ему верна.

Муж привык спокойно отправляться
На охоту и на сбор маслин.
Он в супруге мог не сомневаться,
Мог бы даже головой ручаться!..
Ибо больше не было мужчин.

1964

У тебя характер прескверный...

У тебя характер прескверный
И глаза уж не так хороши.
Взгляд неискренний. И, наверно,
Даже вовсе и нет души.

И лицо у тебя как у всех,
Для художника не находка,
Плюс к тому цыплячья походка
И совсем некрасивый смех.

И легко без врачей понять,
Что в тебе и сердце не бьется.
Неужели чудак найдется,
Что начнет о тебе страдать?!

Ночь, подмигивая огнями,
Тихо кружится за окном.
А портрет твой смеется в раме
Над рабочим моим столом.

О, нелепое ожиданье!
Я стою перед ним... курю...
Ну приди хоть раз на свиданье!
Я ж от злости так говорю.

1964

Строгие сторожа

В сто раз красноречивее речей,
Пожалуй, были и сердца, и руки,
Когда мы, сидя в комнате твоей,
Старались грызть гранит сухой науки.

Мигал тысячеглазый небосвод,
Чернел рояль торжественно и хмуро,
И маленький зеленый Дон Кихот
По-дружески кивал нам с абажура...

К плечу плечо... Мы чуть не пели даже!
В груди у нас гремели соловьи!
Но стерегли нас бдительные стражи —
Неспящие родители твои.

Сначала мать — улыбка и внимание —
Входила вдруг, как будто невзначай,
То взять с окна забытое вязанье,
То в сотый раз нам предлагая чай.

Потом отец в пижаме из сатина,
Прищурив хитроватые зрачки,
Здесь, неизвестно по какой причине,
Всегда искал то книгу, то очки.

Следя за всем в четыре строгих глаза,
В четыре уха слушали они,
Чтоб не было какой ненужной фразы
Иль поцелуя, боже сохрани!

Так день за днем недремлющие судьи
Нас охраняли от возможных бед.
Как будто мы не молодые люди,
А малыши одиннадцати лет!

Им верилось, что трепетное пламя
Притушит ветер хитроумных мер
И что на всякий случай между нами
Пускай незримо высится барьер.

Удар часов за стенкой возвещал,
Что как-никак, а расставаться надо!
И вот я вниз по лестнице бежал
Под тем же строго неусыпным взглядом.

И, заперев владение свое,

Они, вздохнув, спокойно засыпали,
Уверенные в том, что знают все,
Хоть, между прочим, ничего не знали!

1964

Пусть меня волшебником назначат (шутка)

Эх, девчата! Чтоб во всем удача,
Чтоб была нетленною краса,
Пусть меня волшебником назначат,
И тогда наступят чудеса.

Я начну с того, что на планете —
Сразу ни обманов, ни тревог,
Все цветы, какие есть на свете,
Я, как бог, сложу у ваших ног.

Я вам всем, брюнетки и блондинки,
Раскрою на кофточки зарю,
Радугу разрежу на косынки,
Небо на отрезы раздарю.

С красотой будет все в порядке:
Каждый профиль хоть в музей неси!
Ну а чтоб какие недостатки
Я оставил! Боже упаси!

А для танцев и нарядов бальных
В виде дополнения к красоте
Я вручил бы каждой персонально
По живой мерцающей звезде.

Ну, а чтобы не было примеров
Ни тоски, ни одиноких слез,
Я по сотне лучших кавалеров
Каждой бы на выбор преподнес.

Я волшебной утвердил бы властью
Царство песен, света и стихов,
Чтоб смеялась каждая от счастья
В день от трех и до восьми часов.

Эх, девчата! Чтоб во всем удача,
Чтоб всегда звенели соловьи,
Хлопочите, милые мои,
Пусть меня волшебником назначат!

1964

* * *

Мама поэта – Лидия Ивановна Асадова, школьная учительница

Сердитый критик

Критик бранил стихи
Лирического поэта.
Громил и за то, и за это,
За все земные грехи!

Ругал с наслаждением, с чувством
И, строчки рубя на лету,
Назвал поцелуй распутством
И пошлостью – простоту.

Считая грубость традицией,
Над всем глумясь свысока,
Он подкреплял эрудицию
Весомостью кулака.

Сурово бранил издателей:
– Зачем печатали? Кто? —
И долго стыдил читателей
За то, что любят не то.

А надо любить усложненный,
Новаторский, смелый стих,
Где в ребра бьют электроны,
Протоны и позитроны
Вместо сердец живых.

Стихи, где от грома и света
Брызги летят из глаз...
И где возле слова «планета»
Смело стоит «унитаз»!

И вывод был прост и ясен:
«Мотайте себе на ус:
Все те, кто со мной не согласен, —
Срочно меняйте вкус!»

Окончив свой громкий опус,
Из кабинетной тиши
Критик отправился в отпуск
И книгу взял для души.

Стучали колеса скорые...
А критик книгу читал,
Не ту, расхвалил которую,
А ту, какую ругал.

1964

Мы решили с тобой дружить...

Мы решили с тобой дружить,
Пустяками сердец не волнуя.
Мы решили, что надо быть
Выше вздоха и поцелуя...

Для чего непременно вздох,
Звезды, встречи, скамья в аллее?
Эти глупые «ах» да «ох»!..
Мы – серьезнее и умнее.

Если кто-то порой на танцах
Приглашал тебя в шумный круг,
Я лишь щелкал презрительно пальцем —
Можешь с ним хоть на век остаться.
Что за дело мне? Я же друг.

Ну а если с другой девчонкой
Я кружил на вешнем ветру,
Ты, плечами пожав в сторонке,
Говорила потом мне тонко:
– Молодец! Нашел кенгуру!

Всех людей насмешил вокруг. —
И, шепнув, добавляла хмуро:
– Заявляю тебе, как друг:
Не танцуй больше с этой дурой!

Мы дружили с тобой всерьез!
А влюбленность и сердца звон...
Да для нас подобный вопрос
Просто-напросто был смешон.

Как-то в сумрак, когда закат
От бульваров ушел к вокзалу,
Ты, прильнув ко мне, вдруг сказала:
– Что-то очень прохладно стало,
Ты меня обними... как брат...

И, обняв, я сказал ликуя,
Слыша сердца набатный стук:
– Я тебя сейчас поцелую!
Поцелую тебя... как друг...

Целовал я тебя до утра,
А потом и ты целовала
И, целуя, все повторяла:

– Это я тебя, как сестра...

Улыбаясь, десятки звезд
Тихо гасли на небосводе.
Мы решили дружить всерьез.
Разве плохо у нас выходит?

Кто и в чем помешает нам?
Ведь нигде же не говорится,
Что надежным, большим друзьям
Запрещается пожениться?

И отныне я так считаю:
Все влюбленности – ерунда.
Вот серьезная дружба – да!
Я по опыту это знаю.

1965

Спор

Однажды три друга за шумным столом
Пустились в горячие споры о том,
Что женщина ценит превыше всего
В характере нашем мужском.

Первый воскликнул: – К чему этот шум?
Скажу без дальних речей,
Что женщин всегда покоряет ум.
И это всего важней!

В этом наш главный авторитет.
Ум – это все, друзья.
«Да здравствует разум!» – сказал поэт,
И лучше сказать нельзя!

Второй, улыбнувшись, приподнял бровь:
– Совсем не в этом вопрос.
Женщина – это сама любовь!
И любит она всерьез.

И нет для мужчины уже ничего
Прямее, чем этот путь.
Он должен быть любящим прежде всего.
И в этом, пожалуй, суть!

А третий, встав, перебил друзей:
– Бросьте все препирания.
Для женщин на свете всего важней
Внимание и внимание!

Пальто подавайте. Дарите ей
Цветы. Расшибайтесь в прах!
Ну, в общем, тысячи мелочей —
И счастье у вас в руках!

На улицу вышли, а спор сильнее.
Ну как решение найти?
И тут повстречали трое друзей
Женщину на пути.

Сказали друзья: – Позвольте спросить,
Ответьте двумя словами:
Каким, по-вашему, должен быть
Мужчина, избранный вами?!

Какое свойство кажется вам,

Особенно привлекательным?
— Он должен быть умным, — сказала она, —
Любящим и внимательным.

1965

Новогодняя шутка

Звездной ночью новогодней
Дед Мороз меня спросил:
– Отвечай мне, что сегодня
У меня б ты попросил?
– Добрый старче, я желаю
Счастья каждому листу,
Человеку, попугаю,
Обезьяне и киту.
Пусть лисица бродит в роще,
Лев живет, змея и рысь,
Сделай только так, чтоб тещи
На земле перевелись!

P.S. Только плохие тещи.

1965

Два маршрута

Он ей предлагал для прогулок
Дорогу – простого проще;
Налево сквозь переулок
В загородную рощу.

Там – тихое птичье пенье,
Ни транспорта, ни зевак,
Травы, уединенье
И ласковый полумрак...

А вот ее почему-то
Тянуло туда, где свет,
Совсем по иному маршруту:
Направо и на проспект.

Туда, где новейшие зданья,
Реклама, стекло, металл.
И где, между прочим, стоял
Дворец бракосочетанья...

Вот так, то с шуткой, то с гневом,
Кипела у них война.
Он звал ее все налево,
Направо звала она.

Бежали часы с минутами,
Ни он, ни она не сдавались.
Так наконец и расстались.
Видать, не сошлись маршрутами.

1967

Два петуха (шутка)

Вот это запевка, начало стиха:
Ища червяков и зёрна,
Бродили по птичнику два петуха,
Два верных, почти закадычных дружка,
Рыжий петух и черный.

Два смелых, горластых и молодых,
Страстями и силой богатых,
И курам порою от удали их
Бывало весьма туговато...

И жизнь бы текла у друзей ничего,
Но как-то громадный гусак,
Зачинщик всех птичьих скандалов и драк,
Накинулся на одного.

Вдвоем бы отбились. Вдвоем как-никак
Легче сразить врага.
Но рыжий лишь пискнул, когда гусак
Сшиб на траву дружка.

Он пискнул и тотчас бесславно бежал.
И так он перепугался,
Что даже и хвост бы, наверно, поджал,
Когда бы тот поджимался.

Летел, вылезая почти из кожи!
И были б забавными эти стихи,
Когда бы вы не были так, петухи,
Порой на людей похожи.

1967

Рыбье «счастье» (сказка-шутка)

В вышине, отпылав, как гигантский мак,
Осыпался закат над речушкой зыбкой.
Дернул удочку резко с подсечкой рыбак
И швырнул на поляну тугую рыбку.

Вынул флягу, отпил, затуманя взгляд,
И вздохнул, огурец посыпая солью:
– Отчего это рыбы всегда молчат?
Ну мычать научились хотя бы, что ли!

И тогда, будто ветер промчал над ним,
Потемнела вода, зашумев тревожно,
И громадный, усатый, как боцман, налим
Появился и басом сказал: – Это можно!

Я тут вроде царя. Да не трусь, чудак!
Влей-ка в пасть мне из фляги. Вот так... Спасибо!
Нынче зябко... А речка – не печка. Итак,
Почему, говоришь, бессловесны рыбы?

Стар я, видно, да ладно, поговорим.
Рыбы тоже могли бы, поверь, судачить.
Только мы от обиды своей молчим,
Не хотим – и шабаш! Бойкотируем, значит.

Мать-природа, когда все вокруг творила,
Не забыла ни львов, ни паршивых стрекоз,
Всех буквально щедротами одарила
И лишь рыбам коленом, пардон, под хвост!

Всем на свете: от неба до рощ тенистых, —
Травы, солнышко... Пользуйтесь! Благодать!
А вот нам ни ветров, ни цветов душистых,
Ни носов, чтоб хоть что-то уж там вдыхать.

Кто зимою в меху, кто еще в чем-либо
Греют спины в берлоге, в дупле – везде.
Только ты, как дурак, в ледяной воде
Под корягу залез – и скажи спасибо.

Мокро, скверно... Короче – одна беда!
Ну а пища? Ведь дрянь же едим сплошную,
Плюс к тому и в ушах и во рту вода.
Клоп – и тот не польстится на жизнь такую.

А любовь? Ты взгляни, как делила любовь

Мать-природа на всех и умно и складно:
Всем буквально – хорошую, теплую кровь.
Нам – холодную. Дескать, не сдохнут, ладно!

В общем, попросту мачеха, а не мать.
Вот под вечер с подругой заплыл в протоку,
Тут бы надо не мямлить и не зевать,
Тут обнять бы, конечно! А чем обнять?
Даже нет языка, чтоб лизнуть хоть в щеку.

А вдобавок скажу тебе, не тая,
Что в красавицу нашу влюбиться сложно —
Ничего, чем эмоции вызвать можно:
Плавники да колючая чешуя...

Скажешь, мелочи... Плюньте, да и каюк!
Нет, постой, не спеши хохотать так лихо!
Как бы ты, интересно, смеялся, друг,
Если б, скажем, жена твоя чудом вдруг
Превратилась в холодную судачиху?

А взгляни-ка на жен наших в роли мам.
Вот развесят икру перед носом папы,
И прощай! А икру собирай хоть в шляпу
И выращивай, папочка милый, сам.

Ну а рыбы мальки, только срок придет —
Сразу ринутся тучей! И смех и драма:
Все похожи. И черт их не разберет,
Чьи детишки, кто папа и кто там мама.

Так вот мы и живем средь морей и рек.
Впрочем, разве живем? Не живем, а маемся.
Потому-то сидим и молчим весь век
Или с горя на ваши крючки цепляемся.

Э, да что... Поневоле слеза пробьет...
Ну, давай на прощанье глотнем из фляги. —
Он со вздохом поскреб плавником живот,
Выпил, тихо икнул и ушел под коряги...

1969

Разные свойства

Заяц труслив, но труслив оттого,
Что вынужден жить в тревоге,
Что нету могучих клыков у него,
А все спасение – ноги.

Волк жаден скорее всего потому,
Что редко бывает сытым,
А зол оттого, что, наверно, ему
Не хочется быть убитым.

Лисица хитрит и дурачит всех
Тоже не без причины:
Чуть зазевалась – и все! Твой мех
Уже лежит в магазине.

Щука жестоко собратьев жрет,
Но сделайте мирными воды,
Она кверху брюхом тотчас всплывет
По всем законам природы.

Меняет окраску хамелеон
Бессовестно и умело.
– Пусть буду двуличным, – решает он. —

Зато абсолютно целым.

Деревья глушат друг друга затем,
Что жизни им нет без света,
А в поле, где солнца хватает всем,
Друг к другу полны привета.

Змея премерзко среди травы
Ползает, пресмыкается.
Она б, может, встала, но ей, увы,
Ноги не полагаются...

Те – жизнь защищают. А эти – мех.
Тот бьется за лучик света.
А вот – человек. Он сильнее всех!
Ему-то зачем все это?

1968

Воробей и подсолнух

Хвастливый горластый вор-воробей
Шнырял по дворам, собирая крошки,
Потом, за какой-то погнавшись мошкой,
Вдруг очутился среди полей.

Сел у развилки на ветвь березы
И тут увидел невдалеке
Подсолнух, стоящий у кромки проса,
Точно журавль на одной ноге.

– Славный ты парень! – сказал воробей. —
Вот только стоишь тут, уставясь в небо.
Нигде ты, чудило глазастый, не был,
Не видел ни улиц, ни крошек хлеба,
Ни электрических фонарей.

Прости, но ведь даже сказать смешно,
Насколько узки твои устремленья.
Вертеть головой и видеть одно:
Свет – вот и все, что тебе дано,
Вот ведь и все твои впечатленья.

Как из оконца, вот так порой
Глядит птенец из своей скворечни,
Но сколько ты там ни верти головой,
А видеть одно надоест, хоть тресни!

– А мне, – подсолнух сказал, – не смешно.
При чем тут скворечник или оконце?!
Не знаю, мало ли мне дано,
Ты прав, я действительно вижу одно,
Но это одно – солнце!..

1969

Разговор с небожителями

Есть гипотеза, что когда-то,
В пору мамонтов, змей и сов,
Прилетали к нам космонавты
Из далеких чужих миров.

Прилетели в огне и пыли,
На сверкающем корабле.
Прилетели и «насадили»
Человечество на земле.

И коль верить гипотезе этой,
Мы являемся их детьми,
Так сказать, с неизвестной планеты
Пересаженными людьми.

Погуляли, посовещались,
Поснимали морскую гладь
И спокойно назад умчались,
А на тех, что одни остались,
Было вроде им наплевать.

Ой вы, грозные небожители,
Что удумали, шут возьми!
Ну и скверные ж вы родители,
Если так обошлись с детьми!

Улетая к своей планете,
Вы сказали им: – Вот земля.
Обживайтесь, плодитесь, дети,
Начинайте творить с нуля!

Добывайте себе пропитание,
Камень в руки – и стройте дом!
Может быть, «трудовым воспитанием»
Назывался такой прием?

– Ешьте, дети, зверей и птичек! —
«Дети» ели, урча, как псы.
Ведь паршивой коробки спичек
Не оставили им отцы.

Улетели и позабыли,
Чем и как нам придется жить.
И уж если едой не снабдили,
То хотя бы сообразили
Ну хоть грамоте обучить!

Мы ж культуры совсем не знали,
Шкура – это ведь не пальто!
И на скалах изображали
Иногда ведь черт знает что...

И пока ума набирались, —
Э, да что уж греха скрывать, —
Так при женщинах выражались,
Что неловко и вспоминать!

Вы там жили в цивилизации,
С кибернетикой, в красоте.
Мы же тут через все формации
Шли и мыкались в темноте.
Как мы жили, судите сами,
В эту злую эпоху «детства»:
Были варварами, рабами,
Даже баловались людоедством.

Жизнь не райским шумела садом,
Всюду жуткий антагонизм:
Чуть покончишь с матриархатом, —
Бац! – на шее феодализм.

И начини вы тогда с душою
Нас воспитывать и растить,
Разве мы бы разрушили Трою?
Разве начали бы курить?

Не слыхали бы про запои,
Строя мир идеально гибкий.
И не ведали б, что такое
Исторические ошибки.

И пока мы постигли главное
И увидели нужный путь,
Мы, родители наши славные,
Что извели – просто жуть!

Если вашими совершенствами
Не сверкает еще земля,
Все же честными мерьте средствами:
Вы же бросили нас «младенцами»,
Мы же начали все с нуля!

Мчат века в голубом полете
И уходят назад, как реки.
Как-то вы там сейчас живете,

Совершенные человеки?!

Впрочем, может, и вы не святы,
Хоть, возможно, умней стократ.
Вот же бросили нас когда-то,
Значит, тоже отцы не клад!

И, отнюдь не трудясь физически,
После умственного труда
Вы, быть может, сто грамм «Космической»
Пропускаете иногда?

И, летя по вселенной грозной
В космоплане, в ночной тиши,
Вы порой в преферансик «звездный»
Перекинетесь для души?

Нет, конечно же, не на деньги!
Вы забыли о них давно.
А на мысли и на идеи,
Как у умных и быть должно!

А случалось вдали от дома
(Ну, чего там греха таить)
С Аэлитой незнакомой
Нечто взять да и разрешить?

И опять-таки не физически,
Без ужасных земных страстей.
А лишь мысленно-платонически,
Но с чужою, а не своей?!

Впрочем, вы, посмотрев печально,
Может, скажете: вот народ!
Мы не ведаем страсти тайной,
Мы давно уже идеальны.
Пьем же мы не коньяк банальный,
А разбавленный водород.

Ладно, предки! Но мы здесь тоже
Мыслим, трудимся и творим.
Вот взлетели же в космос все же,
Долетим и до вас, быть может.
Вот увидимся – поговорим!

1969

Сказка об одном собрании

Собрание в разгаре. Битком людей.
Кто хочет – вникай, обсуждай и впитывай!
Суть в том, что Фаустов Алексей
Сошелся внебрачно в тиши ночей

С гражданкою Маргаритовой.
Все правильно. Подано заявление,
И значит, надо вопрос решить.
Устроить широкое обсуждение,
Принять соответственное решение
И строго безнравственность заклеить!

Вопросы бьют, как из крана вода:
– Была ль домработница Марта сводней?
Что было? Где было? Как и когда?
Только, пожалуйста, поподробней!

Фаустов, вспыхнув, бубнит, мычит...
А рядом, с каменно-жестким профилем,
Щиплет бородку и зло молчит
Друг его – Мефистофелев.

Сердитый возглас: – А почему
Мефистофелев всех сторонится?
Пусть встанет и скажет, а то и ему
Тоже кой-что припомнится!

Тот усмехнулся, отставил стул,
Брови слегка нахмурил,
Вышел к трибуне, плащом взмахнул
И огненный взгляд сощурил.

– Мой друг не безгрешен. Что есть, то есть.
И страсть ему обернулась бедою.
Но те, что так рьяно бранились здесь,
Так ли уж вправду чисты душою?

И прежде чем друга разить мечом,
Пусть каждый себя пощипать научится.
Ах, я клеветник? Хорошо. Начнем!
Давайте выясним, что получится?!

Пусть те, кто женам не изменяли,
И те, кто не знали в жизни своей
Ни ласк, ни объятий чужих мужей, —
Спокойно останутся в этом зале.

А все остальные, — он руки воздел, —
Немедля в ад крематория! —
Зал ахнул и тотчас же опустел...
Страшная вышла история.

1969

Весенний жребий

Нам по семнадцать. Апрельским днем,
Для форса дымя «Пальмирой»,
Мы на бульваре сидим впятером,
Болтаем о боксе, но втайне ждем
Наташку из третьей квартиры.

Мы знаем, осталось недолго ждать
Ее голосок веселый.
Она возвращается ровно в пять
Из музыкальной школы.

– Внимание! Тихо. Идет Наташка!

Трубы, играйте встречу! —
Мы дружно гудим и, подняв фуражки,
Рявкаем: – Добрый вечер!

Наташка морщится: – Просто смешно,
Не глотки, а фальшь неслосная.
А я через час собираюсь в кино.
Если хотите, пойдем заодно,
Рыцарство безголосое.

– Нет, – мы ответили, – так не пойдет.
Пусть кто-то один проводит.
Конечно, рыцари дружный народ,
Но кучей в кино не ходят.

Подумай и выбери одного! —
Мы спорили, мы смеялись,
В то время как сами, невесть отчего,
Отчаянно волновались.

Наморщив носик и щуя глаз,
Наташка сказала: – Бросьте!
Не знаю, кого и выбрать из вас?
А впрочем, пусть жребий решит сейчас,
Чтоб вам не рычать от злости.

Блокнотик вынула голубой.
– Уймись, волнения страсти!
Сейчас занесу я своей рукой
Каждого в «Листик счастья».

Сложила листки – и в карман пальто.
– Вот так. И никто не слукавит.

Давайте же, рыцари. Смело! Кто
Решенье судьбы объявит?

Очкарик Мишка вздохнул тайком:
– Эх, пусть неудачник плачет! —
Вынул записку и с мрачным лицом
Двинул в ребра мне кулаком:
– Ладно! Твоя удача.

Звезды в небе уже давно
Синим горят пожаром,
А мы все идем, идем из кино
Гоголевским бульваром...

Наташка стройна и красива так,
Что вдоль по спине мурашки.
И вот совершил я отчаянный шаг —
Под руку взял Наташку!

Потом помолчал и вздохнул тяжело:
– Вечер хорош, как песня!
Сегодня, право, мне повезло,
А завтра вот – неизвестно...

Ребята потребуют все равно
«Рыцарской лотереи»,
И завтра, быть может, с тобой в кино
Пойдет... Ты смеешься? А мне не смешно —
Кто-то из них, злодеев!

– А ты погоди, не беги в кусты.
Вдруг снова счастливый случай?!
Вот я так уверена в том, что ты
Ужасно какой везучий!

Когда до подъезда дошли почти
Шепнула: – Ты все не веришь?
Вот тут остальные записки. Прочти.
Но только ни звука потом, учти! —
И тенью скользнула к двери.

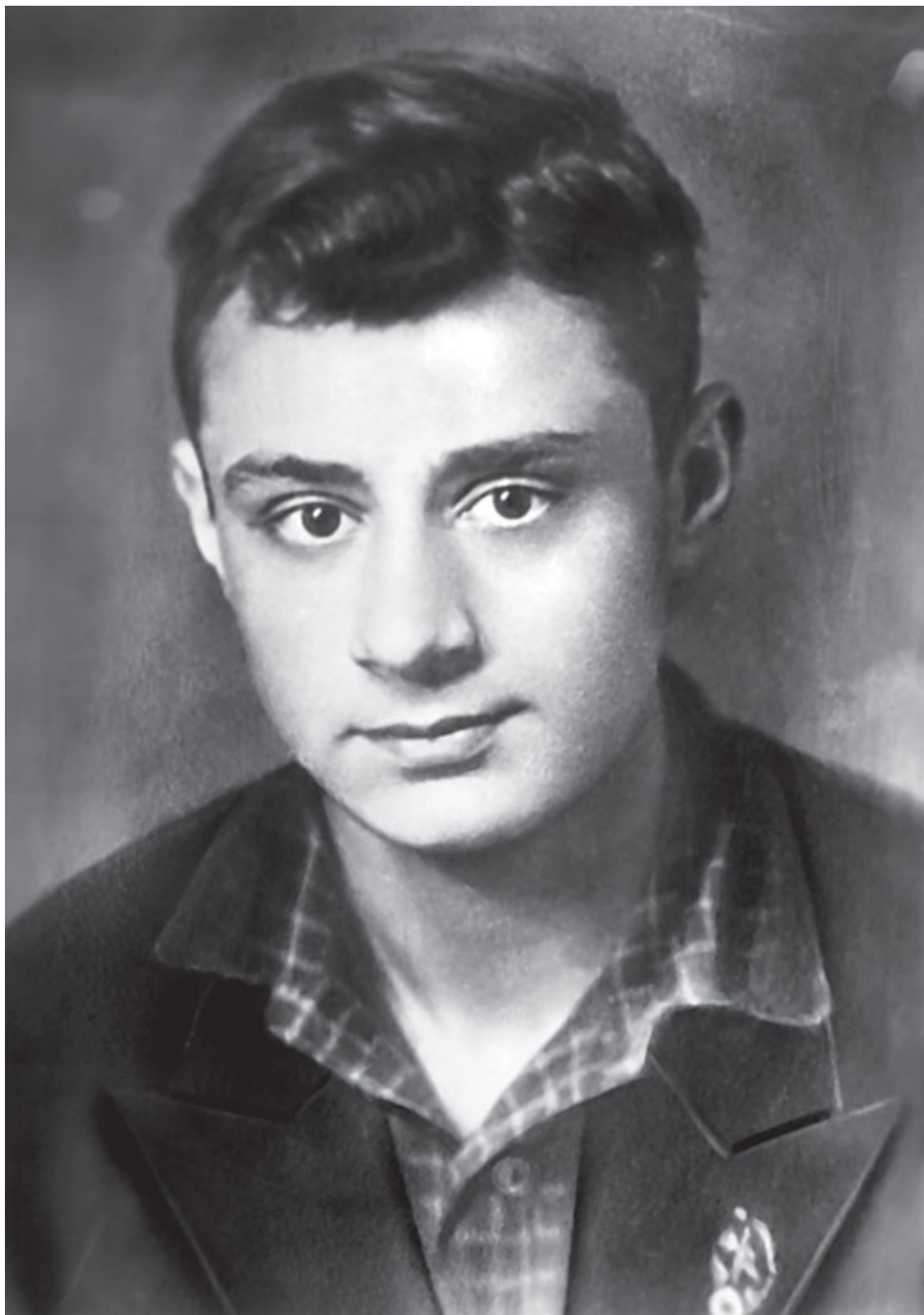
Стоя с метелкой в тени ларька,
Суровая тетя Паша
Все с подозреньем из-под платка
Смотрела на странного чудака,
Что возле подъезда пляшет.

Нет, мой полуночно-счастливый смех
Старуха не одобряла.

А я был все радостней, как на грех,
Еще бы: на всех записках, на всех,
Имя мое стояло!

1969

* * *

1941 год. Будущий поэт после окончания 10-го класса

Через край

Она журила своих подруг
За то, что те в любви невнимательны:
– Раз любишь – то все позабудь вокруг!
И где бы ни был твой близкий друг,
Будь рядом с ним всюду и обязательно!

Сама же и вправду давным-давно
Она ходила за милым следом:
На стадионы, в театр, в кино,
Была с ним, когда он играл в домино,
Сидела в столовке за каждым обедом.

Стремясь все полней и полней любить,
Мчалась за ним на каток, на танцы
И даже выучилась курить,
Чтоб и в курилках не разлучаться.

И так – с утра до темна. Всегда,
Не пропустив ни одной минутки,
И только шептала ему иногда:
– Вот свадьбу сыграем и уж тогда
Рядышком будем всю жизнь все сутки!

И, раздувая любви накал,
Так в своем рвении преуспела,
Что раз он вдруг дико захохотал,
Прыгнул в окно и навек пропал!
Вот как она ему надоела...

1969

Микрофонные голоса

Улыбка, открытые плечи.
Сказочные ресницы.
Шумный эстрадный вечер,
На сцене поет певица.

Голос, раздвинув стены,
Рушится лавой снежной.
И хоть он ничуть не нежный,
Но мощный зато отменно.

И вдруг, нелепая штука
(Ну надо же так случиться!):
Рот открывает певица —
И... никакого звука!

В каком-то смешном молчанье —
Движения губ и рук.
Словно на телеэкране,
Если выключить звук.

Зал охнул и рассмеялся.
— В чем дело? — А весь «пассаж»
Техникой объяснялся:
Взял микрофон и сломался,
Сломался, да и шабаш!

А у певицы этой
(В том-то и весь секрет!)
Есть все: и страсть, и браслеты,
И платье броского цвета,
Вот голоса только нет...

Забавно? Да нет, не очень!
Что ж будет в конце концов?
И сколько же, между прочим,
Сейчас вот таких певцов!

Давно ль были главным не волосы,
Не жест и не цвет лица.
Певец начинался с голоса.
Нет голоса — нет певца!

И вдруг откуда-то выплыли
На сцену с недавних пор
Какие-то сиплые, хриплые,
Ну, словно как на подбор!

Выходят непринужденно
И, безголосье скрывая,
Пищат, почти припадая
К спасительным микрофонам.

Знаю: есть исключения,
Но я сегодня отставил их.
Речь мы ведем о правилах,
И я говорю о пении.

Неужто поздно иль рано
Голоса трель соловьиною
Заменит стальная мембрана,
Воющая по-ослиному?!

Пусть в конвульсивном вое
Хрипят безголосо где-то.
А нам для чего такое?
У нас-то откуда это?!

И разве же это дело —
Жужжать в микрофон шмелями?
Неужто же оскудела
Земля моя соловьями?

Такими, что разом кинут
В тоску тебя и в веселье.
Душу из тела вынут
И в сердце дохнут метелью!

Да, чтоб жило горение,
Дающее чудеса,
К чертям безголосое пение.
Да здравствуют голоса!

1970

Приметы

Ведя корабли, управляя ракетами,
Создав радара бессонный глаз,
Мы, как ни смешно, не расстались с приметами.
Они едва ль не в крови у нас!

И ведь смеемся же: «Предрассудки!
Глупистика, мелочи, ерунда!..»
А сами нередко, шулки-то шулки,
Без этой «глупистики» – никуда!

В школьные годы известно точно:
Не знаешь урока – держись за каблук,
Тогда не спросят. Примета прочная!
Не выпусти только каблук из рук!

Тогда ни морали, ни двойки, ни гнева.
Но только не путайся никогда:
Держись не за правый каблук, а за левый.
Возьмешься за правый – тогда беда!

А на контрольной, коль нет подковки,
Судьбу не терзай: – Пощади! Помоги! —
Есть средство: сними (наплевать, что неловко)
Башмак или туфлю с левой ноги.

Зато уж студент – в пониманье высоком,
Великий мастер насчет примет:
Он в дверь не войдет на экзамен боком.
И точно отыщет «счастливый билет».

Любая примета ему как мошка!
Он знает их лучше, чем снег в декабре.
Не говоря уж о черных кошках,
Тринадцатых числах и прочей муре.

Да что там студент! Академик, доктор,
Придя на важный доклад с утра,
Услышав: – Ни пуха и ни пера! —
Сказал аспирантке: – Идите к черту!

Артистка, народная, в сорок лет,
Текст роли выронив неосмотрительно,
Уселась в ужасе на паркет,
Роль под себя подложив предварительно.

Такая примета: наплюй на чин,

На возраст и званье! Коль роль упала —
Сядь и припомни трех лысых мужчин,
Не то обязательно жди провала.

Приметы повсюду. Просто беда.
— Куда ты идешь? — я спросил у знакомой.
— Тьфу! Ну зачем ты спросил «куда»?
Знала бы, лучше б осталась дома!

Однажды на час до выхода в море
На крейсер к старпому пришла жена
И тем всю команду повергла в горе:
На судне — женщина! Все. Хана!

И после, едва не порвав тельняшки,
Хлопцы отчаянно и упрямо
Драили палубу, дверь, медяшку —
Все, к чему прикасалась дама.

И скажем, отнюдь не открыв секрета,
Что множество самых серьезных людей
На счастье хранят амулеты-приметы:
Пуговку, слоника или монету —
Тысячи всяческих мелочей.

Зачем мы храним их? Никто не знает.
А может, и вправду тут есть секрет?
Уверенность, что ли, они вселяют
Иль в чем-то ответственность с нас снимают
Вот эти десятки смешных примет?

Пришла, к примеру, «счастливая» дата
И мимо не кинулся черный кот,
То как-то спокойней идешь куда-то
И вроде веришь, что повезет...

Похвалишь что-нибудь горячо
И слышишь: — Смотри, не вышло бы сглазу!
Плюнь трижды скорее через плечо! —
И ты плюешь, как верблюд, три раза.

Что ж, пусть в чем-то наши надежды множат
Приметы — загадочная игра.
И хоть мы не очень в них верим, а все же,
Чтоб каждый ваш день был счастливо прожит,
Ни пуха вам, люди, и ни пера!

1969

Он ей восхищенно цветы дарил...

Он ей восхищенно цветы дарил,
Она – с усмешкою принимала.
Он о любви ей своей твердил,
Она – снисходительно разрешала.

Вот так и встречались: огонь и лед.
Она всему улыбалась свету,
Его же почти не брала в расчет:
Скажет: приду! А сама не придет.
Он к ней, а любимой и дома нету...

Он пробовал все: и слова и ласки,
И вновь за букетом дарил букет.
Но все понапрасну: держась по-царски,
Она лишь смеялась ему в ответ.

И вдруг – как включили обратный ход:
«Царица», забыв про свою корону,
То письма ему сердитые шлет,
То требует вечером к телефону.

Но что за причина сердечной вьюги?..
Ответ до смешного, увы, простой.
Он взял и сказал: – Ну и шут с тобой! —
И ходит с цветами к ее подруге.

1970

Женская логика

— Прости меня, — промолвила она, —
Но ты меня немного обижаешь,
Все время вот целуешь, обнимаешь,
Как будто я иначе не нужна!

Он покраснел: — Ну, да... Но если любишь?
Ведь сердце же колотится в груди!
Как усидеть?
— А ты вот усиди!
Не то все сам немедленно погубишь.

Нельзя, чтоб в чувствах появилась трещина.
Вы все, мужчины, низменны навек!
Пойми: перед тобою человек,
А ты во мне все время видишь женщину.

Я о таком на свете понаслышана,
Что ты со мной и спорить не берись!
— Ну, хорошо... Я понял... Не сердись...
Пускай все будет тихо и возвышенно.

И впрямь, отныне — ни обид, ни ссор.
Бежали дни и назначались встречи.
Он стал почти ручным и каждый вечер
Вел умный и красивый разговор.

Она же, хоть и счастлива была,
Но постепенно словно бы темнела.
Все реже улыбалась, похудела
И вдруг (совсем немыслимое дело!)
Взяла и на свиданье не пришла...

Он позвонил: — В чем дело? Почему?
— Ах, почему? Спасибо за беседы!
А я не тумба! Хватит! Не приеду! —
Она сквозь слезы крикнула ему.

— Ведь это же издевка и тоска!
Скажи, какой красноречивый книжник!
Я, как ни странно, женщина пока,
А ты... а ты... бесчувственный булыжник!

1970

Как мне тебе понравиться?

Как мне тебе понравиться?
Стать мрачным и непонятным?
А может быть, вдруг прославиться
Поступком невероятным?

Или вдруг стать мятежным,
Порывистым и упрямым?
А может быть, нежным-нежным
И ласковым самым-самым?..

А то вдруг лукаво-мгlistым,
Сплетающим ловко сети?
Иль простодушно-чистым,
Доверчивым, словно дети?

Иль стать искушенным в жизни,
Солидным и мудрым очень,
Так, словно бы между прочим,
Роняющим афоризмы?

Разгневать тебя мне, что ли,
Поссорюсь с тобой всерьез?
Иль рассмешить до колик,
До радостно-глупых слез?

Богатым прийти иль бедным,
С подарками или без?
Словом ли вдруг хвалебным
Поднять тебя до небес?

Что делать? Куда направиться:
К другу или врагу?
Откуда решение явится?
Как мне тебе понравиться,
Понять уже не могу!

А ты даже будто рада
Терзать меня, как юнца.
Но только любовь не надо
Испытывать до конца.

Запомни мое пророчество:
Когда-нибудь, как во сне,
Страдая от одиночества,
Ты снова придешь ко мне.

И, бросивши спесь красавицы,
Скажешь: – Встречай, чудака!
Я с сердцем не в силах справиться.
Ну, как мне тебе понравиться? —
А я улыбнусь: – Никак!..

1970

За десять минут до свидания

Ты загадочно в зеркале отражаешься,
Чуть качаешь хорошенькой головой,
Ты сейчас на свиданье со мной собираешься,
Все улыбки и стрелы готова в бой.

А свиданья и вправду у нас как бой,
То капризы, то споры при каждой встрече,
И в душе уж не то чтобы соловьи —
Но порой даже зяблики не щебечут.

За горячность мою, за сердечный свет,
Ты мне, словно в насмешку, всегда в награду
Каждым жестом своим говоришь – не надо!
Каждым словом своим отвечаешь – нет!

Только радость, наверное, никогда
На сплошных отрицаниях жить не может.
Ей нужны, как живительная вода,
Только «да», понимаешь, одни только «да».
Ну и щедрость души, вероятно, тоже.

А не то постоит она, подождет
И промолвит: – Да стоит ли ждать напрасно?! —
А потом безнадежно рукой махнет
И добавит: – Да ну их, глупцов несчастных!

А без радости сразу всему конец!
А без радости в жизни какая сладость?
А без радости что за накал сердец?
А без радости видеться что за радость?

Я не знаю, как сложится жизнь твоя,
Только время не век же звенит игрушкой!
И однажды, скажу тебе не тая,
Ты проснешься вдруг старенькою старушкой.

Вспомнишь всех: кто встречал тебя, кто забыл,
И воскликнешь вдруг, горько всплеснув руками!
– А ведь он-то, пожалуй, один и был,
Кто всерьез и взаправду меня любил! —
И начнешь торопливо греметь шкафами.

Вынешь платье, зеленое, как волна,
И пушистую беличью пелерину,
Но посмотришься в зеркало – седина!..
Но посмотришь на руки – одни морщины!..

Тихо сядешь, стянув пелерину с плеч,
И промолвишь раздумчиво и серьезно:
– Надо вовремя было любовь беречь,
А сегодня не нужно ни слов, ни встреч,
А сегодня, голубушка, слишком поздно!..

Ты загадочно в зеркале отражаешься,
Чуть качаешь хорошенькой головой,
Ты сейчас на свиданье со мной собираешься,
Все улыбки и стрелы готова в бой.

Вот бежишь, каблучками стуча на ходу.
Что скрывать! Я действительно очень жду.
И однако же, чтобы сберечь хорошее,
Все, что сказано выше, – имей в виду!

1971

Домовой

Былому конец! Электронный век!
Век плазмы и атомных вездеходов!
Давно, нефтяных устрашась разводов,
Русалки уплыли из шумных рек.

Зачем теперь мифы и чудеса?!
Кругом телевизоры, пылесосы,
И вот домовые, лишившись спроса,
По слухам, ушли из домов в леса.

А город строился, обновлялся:
Все печи – долой и старье – долой!
И вот наконец у трубы остался
Последний в городе домовой.

Средь старых ящиков и картонок,
Кудлатый, с бородкою на плече,
Сидел он, кроха, на кирпиче
И плакал тихонечко, как котенок.

Потом прощально провел черту,
Медленно встал и полез на крышу.
Уселся верхом на коньке, повыше,
И с грустью уставился в темноту.

Вздыхнул обиженно и сердито
И тут увидел мое окно,
Которое было освещено,
А форточка настежь была открыта.

Пуškai всего ему не сумеь,
Но в кое-каких он силен науках.
И в форточку комнатную влететь
Ему это левая, в общем, штука!

И вот, умясь на моем столе,
Спросил он, сквозь космы тараща глазки:
– Ты веришь, поэт, в чудеса и сказки?
– Еще бы! На то я и на земле.

– Ну то-то, спасибо, хоть есть поэты.
А то ведь и слова не услыхать.
Грохочут моторы, режут ракеты,
Того и гляди, что от техники этой
И сам, как машина, начнешь рычать!

Не жизнь, а бездомная ерунда:
Ни поволшебничать, ни приютиться,
С горя нельзя даже удавиться,
Мы же – бессмертные. Вот беда!

– Простите, – сказал я, – чем так вот маяться,
Нельзя ли на отдых! Ведь вы уж дед!
– Э, милый! Кто с этим сейчас считается?!
У нас на пенсию полагается
Не раньше, чем после трех тысяч лет.

Где вечно сидел домовой? В тепле.
А тут вот изволь наниматься лешим,
Чтоб выть, словно филин, в пустом дупле
Да ведьм непотребностью всякой тешить.

То мокни всю ночь на сучке в грозу,
То прыгай в мороз под еловой шапкой. —
И крикнув, он бурой мохнатой лапкой
Сурово смахнул со щеки слезу.

– Ведь я бы сгодился еще, гляди.
А жить хоть за шкафом могу, хоть в валенке. —
И был он такой огорченно-маленький,
Что просто душа занялась в груди.

– Да, да! – закричал я. – Я вас прошу!
И будьте хранителем ярких красок.
Да я же без вас ни волшебных сказок,
Ни песен душевных не напишу!

Он важно сказал, просияв: – Идет! —
Затем, бородою взмахнув, как шарфом,
Взлетел и исчез, растворясь, за шкафом.
И все! И теперь у меня живет.

1971

Долголетие

Как-то раз появилась в центральной газете
Небольшая заметка, а рядом портрет
Старика дагестанца, что прожил на свете
Ровно сто шестьдесят жизнерадостных лет!

А затем в тот заоблачный край поднялся
Из ученых Москвы выездной совет,
Чтобы выяснить, чем этот дед питался,
Сколько спал, как работал и развлекался
И знавал ли какие пороки дед?

Он сидел перед саклей в густом саду,
Черной буркой окутав сухие плечи:
— Да, конечно, я всякую ел еду.
Мясо? Нет! Мясо — несколько раз в году.
Чаще фрукты, лаваш или сыр овечий.

Да, курил. Впрочем, бросил лет сто назад.
Пил? А как же! Иначе бы умер сразу.
Нет, женился не часто... Четыре раза...
Даже сам своей скромности был не рад!

Ну, случались и мелочи иногда...
Был джигитом. А впрочем, не только был. —
Он расправил усы, велики года,
Но джигит и сейчас еще хоть куда,
Не растратил горячих душевных сил.

— Мне таких еще жарких улыбок хочется,
Как мальчишке, которому шестьдесят! —
И при этом так глянул на переводчицу,
Что, смутясь, та на миг отошла назад.

— Жаль, вот внуки немного меня тревожат.
Вон Джафар — молодой, а кряхтит, как дед.
Стыдно молвить, на яблоню влезть не может,
А всего ведь каких-то сто десять лет!

В чем секрет долголетия такого, в чем?
В пище, воздухе или особых генах?
И, вернувшись в Москву, за большим столом,
Долго спорил совет в институтских стенах.

Только как же мне хочется им сказать,
Даже если в том споре паду бесславно я:
— Бросьте, милые, множить и плюсовать,

Ведь не в этом, наверно, сегодня главное!

Это славно: наследственность и лаваш,
Только верно ли мы над проблемой бьемся?
Как он жил, этот дед долголетний ваш?
Вот давайте, товарищи, разберемся.

Год за годом он пас на лугах овец.
Рядом горный родник, тишина, прохлада...
Шесть овчарок хранили надежно стадо.
Впрочем, жил, как и дед его и отец.

Время замерло. Некуда торопиться.
В небе чертит орел не спеша круги.
Мирно блеют кудрявые «шашлыки»,
Да кричит в можжевельнике чибис-птица.

В доме тихо... Извечный удел жены:
Будь нежна и любимому не перечь
(Хорошо или нет – не об этом речь),
Но в семье никогда никакой войны.

Что там воздух? Да разве же в нем секрет?
Просто нервы не чиркались вроде спичек.
Никакой суеты, нервотрепок, стычек,
Вот и жил человек полтора ста лет!

Мы же словно ошпарены навсегда,
Черт ведь знает, как сами к себе относимся!
Вечно мчимся куда-то, за чем-то носимся,
И попробуй ответить: зачем, куда?

Вечно встрепаны, вечно во всем правы,
С добродушьем как будто и не знакомы,
На работе, в троллейбусе или дома
Мы же часто буквально рычим, как львы!

Каждый нерв как под током у нас всегда.
Только нам наплевать на такие вещи!
Мы кипим и бурлим, как в котле вода.
И нередко уже в пятьдесят беда:
То инфаркт, то инсульт, то «сюрприз» похлеще.

Но пора уяснить наконец одно:
Если нервничать вечно и волноваться,
То откуда же здесь долголетью взяться?!
Говорить-то об этом, и то смешно!

И при чем тут кумыс и сыры овечьи!

Для того чтобы жить, не считая лет,
Нам бы надо общаться по-человечьи.
Вот, наверное, в чем основной секрет!

И когда мы научимся постоянно
Наши нервы и радости сберечь,
Вот тогда уже нас прилетят изучать
Представители славного Дагестана!

1971

Под дождем

Солнце и гром отчаянный!
Ливень творит такое,
Что, того и гляди, нечаянно
Всю улицу напрочь смое!

Кто издали отгадает:
То ли идут машины,
То ли, фырча, ныряют
Сказочные дельфины?

В шуме воды под крыши
Спряталось все живое.
Лишь в скверике, где афиши,
Стоят неподвижно двое.

Сверху потоки льются,
Грозь затопить всю улицу.
А двое вовсю смеются
И, больше того, целуются!

Шофер придержал машину
И, сделав глаза большие,
Чуть приоткрыл кабину:
– Вы что, – говорит, – дурные?

Те, мокрые, но смешливые,
Только заулыбались.
– Нет, – говорят, – счастливые!
И снова поцеловались.

1972

Женский секрет

У женщин недолго живут секреты.
Что правда, то правда. Но есть секрет,
Где женщина тверже алмаза. Это:
Сколько женщине лет?!

Она охотней пройдет сквозь пламя
Иль ступит ногою на хрупкий лед,
Скорее в клетку войдет со львами,
Чем возраст свой правильно назовет.

И если задумал бы, может стать,
Даже лукавейший Сатана
В возрасте женщины разобраться,
То плюнул и начал бы заикаться,
Картина была бы всегда одна:

В розовой юности между женщиной
И возрастом разных ее бумаг
Нету ни щелки, ни даже трещины.
Все одинаково – шаг в шаг.

Затем происходит процесс такой
(Нет, нет же! Совсем без ее старания)!
Вдруг появляется «отставание»,
Так сказать, «маленький разнобой».

Паспорт все так же идет вперед,
А женщину вроде вперед не тянет!
То на год от паспорта отстает,
А то переждет и на два отстанет...

И надо сказать, что в таком пути
Она все больше преуспевает.
И где-то годам уже к тридцати,
Смотришь, трех лет уже не найти,
Ну словно бы ветром их выметает.

И тут, конечно же, не поможет
С любыми цифрами разговор.
Самый дотошный ревизор
Умрет, а найти ничего не сможет!

А дальше ни сердце и ни рука
Совсем уж от скупости не страдают.
И вот годам уже к сорока
Целых пять лет, хохотнув слегка,

Загадочным образом исчезают...

Сорок! Таинственная черта.
Тут всякий обычный подсчет кончается,
Ибо какие б ни шли года,
Но только женщине никогда
Больше, чем сорок, не исполняется!

Пусть время куда-то вперед стремится
И паспорт, сутулясь, бредет во тьму,
Женщине все это ни к чему.
Женщине будет всегда «за тридцать».

И, веруя в вечный пожар весны,
Женщины в битвах не отступают.
«Техника» нынче вокруг такая,
Что ни морщинки, ни седины!

И я никакой не анкетой мерю
У женщин прожитые года.
Бумажки – сущая ерунда,
Я женской душе и поступкам верю.

Женщины долго еще хороши,
В то время как цифры бледнеют раньше.
Паспорт, конечно, намного старше,
Ибо у паспорта нет души.

А если вдруг кто-то, хотя б тайком,
Скажет, что может увянуть женщина,
Плюньте в глаза ему, дайте затрещину
И назовите клеветником!

1973

Девушка и лесовик (сказка)

На старой осине в глуши лесной
Жил леший, глазастый и волосатый.
Для лешего был он еще молодой —
Лет триста, не больше. Совсем незлой,
Задумчивый, тихий и неженатый.

Однажды у Черных болот в лощине
Увидел он девушку над ручьем,
Красивую, с полной грибной корзиной
И в ярком платице городском.

Видать, заблудилась. Стоит и плачет.
И леший вдруг словно затосковал...
Ну как ее выручить? Вот задача!
Он спрыгнул с сучка и, уже не прячась,
Склонился пред девушкой и сказал:

– Не плачь! Ты меня красотой смутила.
Ты – радость! И я тебе помогу! —
Девушка вздрогнула, отскочила,
Но вслушалась в речи и вдруг решила:
«Ладно. Успею еще. Убегу!»

А тот протянул ей в косматых лапах
Букет из фиалок и хризантем.
И так был прекрасен их свежий запах,
Что страх у девчонки пропал совсем...

Свиданья у девушки в жизни были.
Но если по-честному говорить,
То, в общем, ей редко цветы дарили
И радостей мало преподносили,
Больше надеялись получить.

А леший промолвил: – Таких обаятельных
Глаз я нигде еще не встречал! —
И дальше, смутив уже окончательно,
Тихо ей руку поцеловал.

Из мха и соломки он сплел ей шляпу.
Был ласков, приветливо улыбался.
И хоть и не руки имел, а лапы,
Но даже «облапить» и не пытался.

И, глядя восторженно и тревожно,
Он вдруг на секунду наморщил нос

И, сделав гирлянду из алых роз,
Повесил ей на плечи осторожно.

Донес ей грибы, через лес провожая,
В трудных местах впереди идя,
Каждую веточку отгибая,
Каждую ямочку обходя.

Прощаясь у вырубки обгоревшей,
Он грустно потупился, пряча вздох.
А та вдруг подумала: «Леший, леший,
А вроде, пожалуй, не так и плох!»

И, пряча смущенье в букет, красавица
Вдруг тихо промолвила на ходу:
– Мне лес этот, знаете, очень нравится,
Наверно, я завтра опять приду!

Мужчины, встревожьтесь! Ну кто ж не знает,
Что женщина, с нежной своей душой,
Сто тысяч грехов нам простит порой,
Простит, может, даже ночной разбой!
Но вот невнимания не прощает...

Вернемся же к рыцарству в добрый час.
И к ласке, которую мы забыли,
Чтоб милые наши порой от нас
Не начали бегать к нечистой силе!

1973

Кольца и руки

На правой руке золотое кольцо
Уверенно смотрит людям в лицо,
Пусть не всегда и счастливое,
Но все равно горделивое.

Кольцо это выше других колец
И тайных волнений чужих сердец.
Оно-то отнюдь не тайное,
А прочное, обручальное!

Чудо свершается и с рукой:
Рука будто стала совсем другой,
Отныне она спокойная,
Замужняя и достойная.

А если, пресытившись иногда,
Рука вдруг потянется «не туда»,
Ну что ж, горевать не стоит,
Кольцо от молвы прикроет.

Видать, для такой вот руки кольцо —
К благам единственное крыльцо,
Ибо рука та правая
С ним и в неправде правая.

На левой руке золотое кольцо
Не так горделиво глядит в лицо.
Оно скорее печальное,
Как бывшее обручальное.

И женская грустная эта рука
Тиха, как заброшенная река:
Ни мелкая, ни многоводная,
Ни теплая, ни холодная.

Она ни наивна и ни хитра
И к людям излишне порой добра,
Особенно к «утешителям»,
Ласковым «навестителям».

А все, наверное, потому,
Что смотрит на жизнь свою как на тьму.
Ей кажется, что без мужа
Судьбы не бывает хуже.

И жаждет она, как великих благ,

Чтоб кто-то решился на этот шаг,
И, чтобы кольцо по праву ей,
Сняв с левой, надеть на правую.

А суть-то, наверно, совсем не в том.
Гордиться печатью ли или кольцом,
А в том, чтоб союз сердечный
Пылал бы звездой вечной!

Вот именно: вечной любви союз!
Я слов возвышенных не боюсь.
Довольно нам в самом деле
Коптить где-то еле-еле!

Ведь только с любовью большой навек
Счастливым может быть человек,
А вовсе не ловко скованным
Зябликом окольцованным.

Пусть брак этот будет любим, любим;
С загсом, без загса ли, но таким,
Чтоб был он измен сильнее
И золота золотее!

И надо, чтоб руки под стук сердец
Ничуть не зависели от колец,
А в бурях, служа крылами,
Творили бы счастье сами.

А главное в том, чтоб, храня мечты,
Были б те руки всегда чисты
В любом абсолютно смысле
И зря ни на ком не висли!

1973

Комары (шутка)

Человек – это царь природы.
С самых древних еще веков
Покорил он леса, и воды,
И мышей, и могучих львов.

Но, «ракетным» став и «машинным»,
Царь, с великим своим умом,
Оказался, увы, бессильным
Перед крохотным комаром.

Комары ж с бесшабашным риском,
Не задумавшись ни на миг,
С разудалым разбойным писком
Истязают своих владык!

Впрочем, есть и у этой «братии»
Две особенно злых поры:
На рассвете и на закате
Сквозь любые плащи и платья
Людоедствуют комары.

Люди вешают сеток стенки,
Люди жмутся спиной к кострам,
Люди бьют себя по коленкам
И по всем остальным местам.

Нет спасенья от тех налетов
И в ночные, увы, часы:
Воют хищные «самолеты»
И пикируют с разворота
На расчесанные носы.

Людям просто порой хоть вешаться.
И, впустую ведя борьбу,
Люди воют, скребутся, чешутся,
Проклиная свою судьбу.

А полки наглецов крылатых
Налетают за будь здоров
И на темени кандидатов,
И на лысины докторов.

Жрут без всяческих аргументов,
Без почтения, увы, хоть плачь.
Даже члены-корреспонденты
Удирают порою с дач.

И какие уж там красоты,
Если где-нибудь, горбя стан,
Человек, этот «царь природы»,
Вдруг скребется, как павиан.

Впрочем, надо признаться, к счастью,
Что разбойничий тот «народ»
Нас не полным составом жрет,
А лишь хищной своею частью.

Сам комар – травоядно-тихий.
От рождения он не зол.
А кусают нас зло и лихо
Только «женщины»-комарихи,
Ну, как водится, – «слабый пол».

Ах, ученые-энтомологи!
Вам самим же пощады нет.
Вылезайте же из-под пологров,
Из-под сеток на божий свет.

Если хочет сама природа,
Чтоб комар на планете жил,
Дайте ж средство такого рода,
Чтобы «зверь» этот год за годом
Вроде с пользой бы послужил.

Измените вы в нем наследственность,
Озарите лучами мглу
И пустите «кусачью» деятельность
По направленному руслу.

Чтоб не смели они касаться
Всех добрейших людских голов,
А кусали бы лишь мерзавцев,
Негодяев и подлецов.

Вот тогда-то, чего же проще,
Все раскрылись бы, как один:
Раз ты цел, – значит, ты хороший,
Ну а тот, кто искусан в роще —
Сразу ясно, что сукин сын.

И чтоб стали предельно дороги
Людям реки и тишь лесов,
Подзаймитесь же, энтомологи,
Воспитанием комаров!

Пусть с душой комары поют
Для хороших людей все лето.
А мерзавцев пускай сожрут.
Полагаю, друзья, что тут
Никаких возражений нету!

1973

Древнее свидание

В далекую эру родной земли,
Когда наши древние прародители
Ходили в нарядах пещерных жителей,
То дальше инстинктов они не шли.

А мир красотой полыхал такою,
Что было немыслимо совместить
Дикое варварство с красотой,
Кто-то должен был победить.

И вот, когда буйствовала весна
И в небо взвивалась заря крылатая,
К берегу тихо пришла она —
Статная, смуглая и косматая.

И так клокотала земля вокруг
В щебете, в радостной невесомости,
Что дева склонилась к воде и вдруг
Смутилась собственной обнаженности.

Шкуру медвежью с плеча сняла,
Кроила, мучилась, примеряла,
Тут припустила, там забрала,
Надела, взглянула и замерла:
Ну, словно бы сразу другою стала!

Волосы взбила густой волной,
На шею повесила, как игрушку,
Большую радужную ракушку
И чисто умылась в воде речной.

И тут, волосат и могуч, как лев,
Парень шагнул из глуши зеленой,
Увидел подругу и, онемев,
Даже зажмурился, потрясенный.

Она же, взглянув на него несмело,
Не рявкнула весело в тишине
И даже не треснула по спине,
А, нежно потупившись, покраснела...

Что-то неясное совершалось...
Он мозг неподатливый напрягал,
Затылок поскребывал и не знал,
Что это женственность зарождалась.

Но вот в ослепительном озаренье
Он быстро вскарабкался на курган,
Сорвал золотой, как рассвет, тюльпан
И положил на ее колени.

И, что-то теряя привычно-злое,
Не бросился к ней без тепла сердец,
Как сделали б дед его и отец,
А мягко погладил ее рукою.

Затем, что-то ласковое ворча,
Впервые не дик и совсем не груб,
Коснулся губами ее плеча
И в изумленье раскрытых губ...

Она пораженно заволновалась,
Заплакала, радостно засмеялась,
Прижалась к нему и не знала, смеясь,
Что это на свете любовь родилась?

1974

Озорные строки

Не хочу никакого дела!
Даже вынуть газету лень...
До чего же вдруг надоело
Жить по правилам каждый день!

Те же радости, те же муки,
Те же хлопоты и труды,
Те же встречи, улыбки, руки...
Даже лещ, одурев от скуки,
В небо прыгает из воды.

Даже лошадь порой кидается
В удалой, сумасшедший бег,
Пес, и тот с поводка срывается...
Я ж тем более – человек!

Пусть начетчик-сухарь всклокочется,
Укоряя или грозя.
Только жизнь не по кругу ж топчется,
И порой вдруг до злости хочется
Всех «не надо» и всех «нельзя»!

Завтра буду я вновь припаянным
К домоседской моей тиши,
Завтра буду ужасно правильным,
Хоть икону с меня пиши!

А сегодня – совсем иное,
А сейчас, на закате дня,
Все веселое, озорное
Сыплет искрами из меня!

Вон таксист прогудел отчаянный.
Не вернуть меня, не найти!
Удираю от жизни «правильной»
По «неправильному» пути!

1974

Беседа о морали (шутка)

Лектор был ученым в высшей мере.
И свою беседу о морали
Он решил построить на примере,
На живом, конкретном матерьяле.

Пусть сначала, подчеркнув проблемы,
Выскажется тип предосудительный,
А затем, для закрепления темы,
Слово скажет ярко-положительный.

И, когда замолк заряд карающий,
Вышел парень «горько-отрицательный»
И сказал: «Мне совестно, товарищи,
Что такой я весь непривлекательный...

Лектор прав: куренье это – зелье.
Мне ж, дубине, зелье по нутру,
Вот поешь, закуришь поутру,
И в душе – ну точно новоселье!..

И про водку тоже не таю!
От нее все стонут и терзаются.
Ну, а мне, мерзавцу, это нравится!
Я, скотина, преспокойно пью.

Вру домашним. Барахлю с зарплатою.
И что хочешь, то и сотворю...
А ведь все через нее, проклятую!
Это я вам верно говорю!

Вот зайдешь в кафе после работы,
Хлопнешь стопку, милые друзья,
И – блаженство! Никакой заботы...
А ведь так, товарищи, нельзя!

А мораль? Ведь ужас, что бывает!
Надо, чтоб с одной ты жил и был,
А вот мне одна надоедает!
Я, подлец, об этом позабыл!

Путь-то он приятный, но плохой.
То с одной встречаюсь, то с другою,
И уж так мне стыдно, что порою
Даже вот ругаюсь сам с собой!

Эх, друзья! Ну что еще сказать?! —

Он вздохнул как будто над пожарищем. —
Извините, я – в кафе, товарищи...
Видно, сердце надобно унять...»

Дело за «примерно-показательным».
Он шагнул и онемел в тиши:
В зале – пусто. В зале – ни души!
Все ушли в кафе за «отрицательным»...

1974

Круговорот природы

В природе смена вечна и быстра:
Лягушка поедает комара.

Гадюка тоже пообедать хочет,
Гадюка на лягушку зубы точит.

А где-то еж, отчаянный в бою,
Сурово точит зубы на змею.

Лисица, хитромудрая душа,
Сощурясь, точит зубы на ежа.

А волк голодный, плюнув на красу,
Порою точит зубы на лису.

Лишь люди могут жить и улыбаться,
Поскольку людям некого бояться.

Но, видимо, судьба и тут хохочет:
А люди друг на друга зубы точат!..

1975

О трескучей поэзии

Когда «модерняги» пишут стихи —
То всех оглушают бредовым криком,
А кто-то их слушает с умным ликом,
Мол, мы понимаем и мы не глухи.

Бедняги, ну что вы себя терзаете,
Как будто иной и дороги нет?!
Неужто вы что-нибудь потеряете,
Сказав, что бессмыслиц не понимаете,
Что вопли есть вопли, а бред есть бред?!

Что громкая, пестрая суесловость —
Как «голый король» для наивных глаз,
И что модерновость — давно не новость
И все это было уже сто раз!

Признайтесь, что сердца согреть не может
Набор из бахвальски-трескучих строк,
Что втайне вам в тысячу крат дороже
Есенин, Твардовский, Светлов и Блок.

И кто б ни грозил вам порой мечами,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.